Автор: Оргкомитет
28.10.2012 10:46

Живет в Ставрополе (Россия).

Монблан

Монблан далёк, Монблан далёк.
И горек корень несвершённых действий.
Так одинок в плену созвездий
и Бог твой, Бог мой, одинок.
Монблан далёк мой друг. Таков.

Как далеки дворцы Вальгаллы,
но гурий сладких идеалы
не стоят штопаных носков.
Монблан далёк. Зимой, в апреле.
На каждый срок, на самом деле
не в сказке и конечно в теме
всех Сант. А с ними и морозов.
И быт травит анабиозом
классически или по фене.
Монблан далёк. Монблан, что ложь.
И от того со временем сдаешь,
Хемингуеешь... и разводишь плешь
как костерок. Как покупаешь вещь.
То потеряешь, то найдешь...
Моблан — мечта. Монблан далёк.
Фетиш, гора и островок.
Монблан. Мол — бла,
бла-бла, бла-бла.
И серость. Лица, города.
Монблан далёк. Что да, то да...

Бабушка

А моя бабушка курит трубку. Добрый чубук.
Курит из трубки возраст и космос, извлекает звук
с губ удивительный. Тот, что стремится по краю -
рая соломенных шляп. И песен. Где месяц
словно китаец — щуриться в ночь и растет трынь-трава.
И я замечаю, что моя бабушка — это индеец,
родившийся где-то не там, и как-то не так.

Моя бабушка курит в трубке — вечность.
В скольжении уставших в браслетах рук
мне слышится бой барабанов из племени майя,
а в темных и мудрых глазах ее — змей Чингачгук,
ей видится красное темя и белое семя
с клубами дыма - туман в берегах реки,
она вспоминает про время и смотрит на пламя
и ждет этих птиц с обратной и той стороны
и деда как раньше, в его орденах и медалях,
их долгих свиданий и бурного танца любви,
и верные тени ложатся воспоминаний
на бархат печали, на плечи, на старость и сны,
табак обращается в пепел, слова в корабли
и пишут ответ в узелках играющих — смерти,
с которой она знакома не раз и на «ты».

Я знаю одно — моя бабушка это индеец
причаливший как-то сюда, -
на одну бледнолицую жизнь.

Гамбургер «Бодлер»

Я помню гамбургер, посыпанный кунжутом,
на белой простыне, на зеркале тарелки,
краю стола вселенной общепита -
застыл он жутко, -
брошенный и гордый
с листом салата
в наготе от быта
и в нимбе золотистой корки,
и окрыленный в майонезной пене -
он выходил из моря Афродитой
на берег полдника, обеда
и только видел как в стране далекой
тень кораблей с командой тучных роллов -
плыла в пещеры ртов троих, а проще —
к Трое
в том соусе зари под острым перцем,
котлетой билось сердце в этом хлебе -
под этим чувством: «сделано с любовью»
и гамбургер мечтал и был свободен -
на ниве фри, на фоне кукурузных хлопьев,
над этой пропастью во ржи.
И что-то смутно помнил -
лошадью, коровой.
Но все проходит, словно сон в столовой.
Но вправе думать мы —
что в гамбургере нет души?
Хотя все тлен, все тлен —
никто не спорит...

Страница автора в Сети